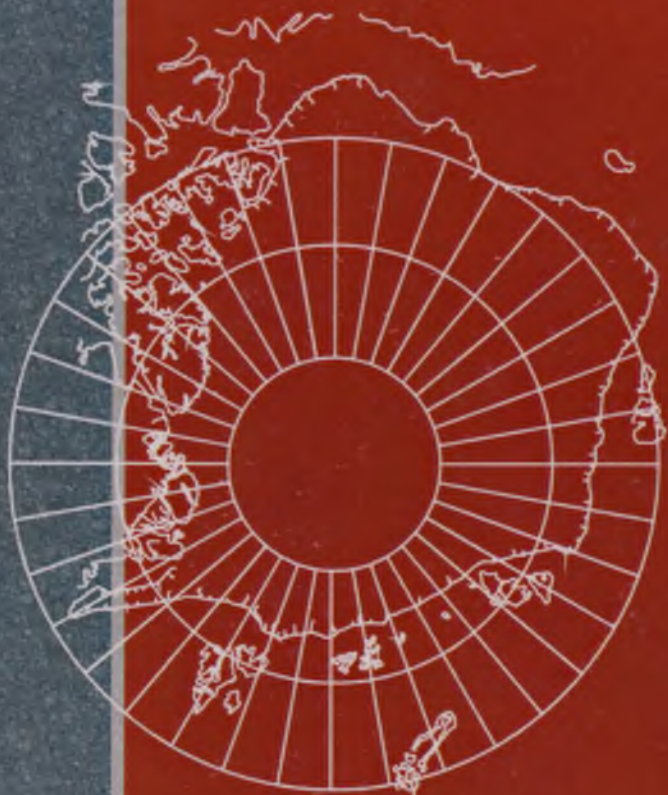

МИР ИСТОРИКА

ОМСК-2009

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК 5

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

ОМСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

МИР ИСТОРИКА

Историографический сборник

Выпуск 5

УДК 930.1
ББК Т1(2)6
М 630

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом ОмГУ

Рецензент

д-р ист. наук, проф. *Н.Н. Алеврас* (ЧелГУ)

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *В.П. Корзун* (отв. ред.), д-р ист. наук, доц. *А.В. Якуб* (отв. ред.),
д-р ист. наук, проф. *А.В. Антощенко*, канд. ист. наук, доц. *С.П. Бычков*, канд. ист. наук,
доц. *А.В. Свешников*, канд. ист. наук *М.А. Мамонтова*, д-р ист. наук, проф. *Г.П. Мяжков*

М 630 **Мир историка: историографический сборник / под ред.**
В.П. Корзун, А.В. Якуба. – Вып. 5. – Омск: Изд-во Ом. гос.
ун-та, 2009. – 437 с.

ISBN 978-5-7779-1108-7

Выпуск посвящен памяти Генриха Кутдусовича Садретдинова (05.12.1939–10.11.2008), основателя омской школы медиевистики. Первый раздел представлен воспоминаниями учеников и коллег Г.К. Садретдинова, в которых описаны многие грани его незаурядной личности, оценивается вклад в формирование новой проблематики и развитие науки в западносибирском регионе.

Второй и третий разделы посвящены традиционным и устойчивым проблемам нашего историографического ежегодника: школам и коммуникациям в науке, образам ученого в политических, социальных и научных реалиях разных эпох, мотивации деятельности историка, влиянию внешней культурной среды на оформление исторического знания.

Традиционным в сборнике является раздел документов, переписки, заметок мемуарного плана, иллюстрирующий изучаемые процессы на языке историографического первоисточника.

Для историков, историографов, науковедов, культурологов и всех интересующихся миром творца исторического знания.

УДК 930.1
ББК Т1(2)6

Издание осуществлено при поддержке Ассоциации выпускников ОмГУ и Федерального агентства по науке и инновациям в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», государственный контракт № 02.740.11.0350

ISBN 978-5-7779-1108-7

© ГОУ ВПО «Омский госуниверситет
им. Ф.М. Достоевского», 2009

© Общество интеллектуальной истории, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ	5
-----------------------------	----------

Раздел 1. IN MEMORIAM. ГЕНРИХ КУТДУСОВИЧ САДРЕТДИНОВ КАК ЧЕЛОВЕК И УЧЕНЫЙ В МИРЕ НАУКИ

<i>Свешников А.В.</i> Памяти Генриха Кутдусовича Садретдинова (05.12.1939 – 10.11.2008).....	8
<i>Мозильницкий Б.Г.</i> Генрих Кутдусович Садретдинов в Томском уни- верситете	13
<i>Рамазанов С.П., Кирсанова Е.С.</i> Два слова об Учителе.....	18
<i>Ерохин В.Н.</i> Памяти Учителя, который вёл и до сих пор ведёт по жизни своих учеников.....	24

Раздел 2. ШКОЛЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ. ОБРАЗ УЧИТЕЛЯ

<i>Платонова Н.И.</i> Учитель и ученик: граф Сергей Григорьевич Стро- ганов и академик Федор Иванович Буслаев.....	31
<i>Попова Т.Н.</i> П.М. Бицилли: проблема наставников и школы (К 130-летию со дня рождения).....	52
<i>Мягков Г.П.</i> «Мы зажгли свои свечи от их творческого огня»: исто- рик А.С. Шофман в череде поколений	72
<i>Умбрашко К.Б.</i> Школа сибирских историков Е.И. Соловьевой	99

Раздел 3. КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ: ЖИЗНЬ В ИСТОРИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ И ВНЕ ЕГО

<i>Рудковская И.Е.</i> Исторические труды эпохи позднего Просвещения: специфика структурирования текста в режиме кросскультурной комму- никации.....	116
<i>Синенко А.А.</i> Межпоколенческие коммуникации и формирование об- раза учителя русскими историками конца XIX в.	140
<i>Гришина Н.В.</i> «Научное исследование... составляет мое истинное жизненное призвание»: мотивы вхождения в науку историков конца XIX – начала XX в.	152
<i>Антощенко А.В.</i> П.Г. Виноградов: долгое краткое возвращение в alma mater	178
<i>Колесник И.И.</i> Дендизм Гоголя: мода и творчество	206
<i>Бычков С.П.</i> Русские церковные историки академических центров и провинции как носители ценностей науки и общественного служе- ния в некрологах последней четверти XIX – начала XX в.	236

<i>Клюев А.И.</i> Н.П. Оттокар в коммуникативном пространстве Пермского университета в 1916–1922 гг.	256
<i>Воробьёва И.Г.</i> «Личное дело» историка-медиевиста Арона Яковлевича Гуревича.....	276

Раздел 4. ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Воспоминания о жизни и творчестве П.Г. Виноградова (<i>А.В. Антощенко</i>).....	291
Материалы к биографии И.А. Лаппо-Данилевского. (Продолжение) (<i>В.П. Корзун</i>).....	316
Ученый в эмиграции: Из переписки А.А. Кизеветтера с А.Ф. Изюмовым (<i>В.Ю. Волошина</i>).....	354
О книге А.С. Шофмана «Не угаснет огонь Прометея» (<i>Г.П. Мягков</i>).....	369
А.С. Шофман. Не угаснет огонь Прометея.....	370
Интервью с Мариной Могильнер и Ильей Герасимовым. 26 января 2009 года (<i>А.С. Кикимбаев</i>).....	411
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	434
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	436

Дендизм Гоголя: мода и творчество

... Франтик в модном фраке
Сергей Аксаков. История моего знакомства с Гоголем

Дендизм – культурный феномен Модерна

Мир историка – мир интеллектуала с присущим ему культурным капиталом и эмоциональной энергией, поисками себя, своего творческого *его*, внутренними рефлексиями и очевидной демонстративностью, пребывающего в бесконечных сетях корпоративных, личностных, приятельских, родственных отношений, в «паутине» близких и случайных знакомств. Признаком интеллектуала XIX в. является дендизм, проявляющийся в модном облике, манере поведения, творчестве. Образ Гоголя имеет множество ипостасей: выходец из обедневшей малороссийской шляхты, мелкий столичный служащий, учитель истории в Патриотическом институте, успешный литератор, адъюнкт-профессор по кафедре всеобщей истории в Петербургском университете, завсегдатай светских салонов, литературный пилигрим, духовный наставник и христианский мыслитель. Гоголь воспринимал историю как литератор и как настоящий историк изучал российскую действительность. Юбилей Гоголя служит мощным катализатором для поиска новых идей и стратегий осмысления личности и творчества писателя. Одно из направлений – изучение социокультурного хронотопа, литературного быта, хронометража повседневности в структурах современного гоголеведения на основе практик культурной антропологии, сетевого анализа, истории повседневности, нарративной психологии и других технологий, заполнивших современное междисциплинарное пространство. Постановка и проработка сюжета «дендизм Гоголя» предполагает осмысление категории «дендизм», его различных форм, а также верификацию этого понятия на материалах интеллектуальной биографии писателя.

Дендизм – уникальное явление европейской культуры XIX в. – возникает как культурный канон, означавший не только умение

модно одеваться, но и специфический образ жизни, поведенческий код, особую жизненную философию¹. Социальную базу дендизма представляют аристократы-интеллектуалы и средний класс (обедневшее дворянство, чиновничество, университетская профессура, литературно-аристократическая богема).

Социокультурной основой дендизма являлся промышленный переворот, который заложил фундамент индустриализма. Индустриальное общество формировало новые стандарты жизни, комфорт, культуру быта, нормы гигиены, моду, стили в дизайне и интерьере. Дендизм сформировался как феномен городской культуры, результат процесса ускоренной урбанизации. Идейной основой дендизма была идеология и эстетика Романтизма.

Новым персонажем эпохи Модерна выступает денди – франт, «харизматический модник», костюм которого отличался «мини-

¹ См. о дендизме: *Moers E. The Dandy*. New York, 1960; *Laver J. Dandies*. London, 1968; *Newman J.H. A definition of a gentleman* // *The portable Victorian reader* / Ed. G.S. Haigh. London, 1977; *Kempf R. Dandies. Baudelaire et compagnie*. Paris, 1977; *Stanton D. The aristocrat as art*. Colombia U.P., 1980; *Elias N. The civilizing process: the history of manners*. New York, 1982; *Wolf J. The invisible Flaneuse: women and the literature of modernity* // *Theory, Culture and Society*. 1985. Vol. 2. № 3; *Laver J. Costume and fashion*. London, 1988; *Lurie A. The language of clothes*. London, 1992; *Chenoune F. A History of man's fashion*. Paris; New York, 1993; *Simpson M. Male Impersonators: Men Performing Masculinity*, London, 1994; *Tester K., ed. The flaneur*. London; New York, 1994; *Goldstein L., ed. The Male Body: Features, Destinies, Exposures*. University of Michigan Press, 1995; *Harvey J. Men in black*. University of Chicago Press, 1995; *Hollander A. Sex and suits*. New York, 1995; *Horrocks R. Male myths and Icons: Masculinity in Popular Culture*. New York, 1995; *McDowell C. The man of Fashion*. London, 1997; *Garellick R. Rising star: dandyism, gender and performance in the fin de siècle*. Princeton, 1998; *Breward C. The culture of fashion: a new history of fashionable dress*. Manchester, 1995; *Breward C. The hidden consumer. Masculinities, fashion and city life 1860–1914*. Manchester, 1999; *Breward C. Fashioning London. Clothing and the modern Metropolis*. Oxford; New York, 2004; *Bordo S. The Male Body: A New Look at Men in Public and in Private*. New York, 2000; *Dandies. Fashion and Fineness in Art and Literature.*, ed. Fillin-Yeh S. New York, 2001; *Whitehead S.M. Men and Masculinities: Key Themes and New Directions*. Cambridge, 2002; *Robinson M. Beaux and Belles of England*. London, 2004; *Бодрийяр Ж. Система вещей*. М., 1995; *Мартен-Фюжье А. Элегантная жизнь, или Как возник «Весь Париж»*. М., 1998; *Ливен Д. Аристократия в Европе 1814–1915*. СПб., 2000; *Готье Т. Мода как искусство* // *Иностранная литература*. 2000. № 3; *Барт Р. Дендизм и мода* // *Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры*. М., 2003; *Вайнштейн О.Б. Денди: мода, литература, стиль жизни*. 2-е изд., испр. и доп. М., 2006.

малистским шиком», а манерам присуща аристократическая сдержанность. «Харизматический модник» (О. Вайнштейн) избегал ярких тонов, предпочитая одну какую-либо сдержанную гамму, обычно, темную. Самым изысканным в манере одеваться денди оставалась утонченная скромность, являвшаяся одним из основных правил дендизма.

Сформировавшийся дендизм диктовал новые законы моды, что предполагало отказ от кричащей роскоши. Основопологающий принцип дендизма – «conspicuous inconspicuousness» («приметная неприметность») означал, что одежда не должна бросаться в глаза, но в своём кругу может быть оценена по достоинству. Принцип «приметной неприметности» – это семиотический код для избранных или посвященных, именно этот принцип предрекал эпоху готовой одежды, выбор которой определялся хорошим вкусом и обязательно наличием какой-нибудь акцентирующей детали (Р. Барт). Принцип «приметной неприметности» предполагал особую манеру носить одежду, не педантичную аккуратность, тщательность, а, наоборот, свободу, сдержанность, уверенность в своем костюме, который должен был быть неприметным, комфортным, удобным для движений и поз.

Дендизм, как известно, возникает и распространяется в эпоху технического прогресса, когда формируется культура личной гигиены, и нормой дендистского быта становятся ежедневные ванны. Стандарты гигиены требовали чистого белья, которое менялось ежедневно. Элегантному мужчине, по утверждению князя Г. Пюклер-Мускау, еженедельно требовалось двадцать рубашек, двадцать четыре носовых платка, десять видов брюк, тридцать шейных платков, дюжина жилетов и носков². Стилистика внешности в дендизме начала XIX в. предполагала тонкую кость, стройную фигуру, спортивный вид, полнота для денди являлась настоящей трагедией.

Дендизм как модный канон создавал специфический гардероб модника/франта, в котором обязателен был фрак из качественного сукна, светлых тонов для дневных визитов и темного – для вечерних. Особе место в гардеробе денди занимал жилет, цвет

² Иллюстрированная энциклопедия моды / рус. пер. И.М. Ильинской, А.А. Лосевой. 3-е изд. Прага, 1988. С. 256.

которого тщательно выбирался модником, а особое внимание уделялось фактуре и длине. Настоящим «жилетоманом» считался Оскар Уайлд, у которого была богатая коллекция жилетов³. Жилет, как правило, украшался часами (носили по паре часов одновременно), брелками, цепочками и другими украшениями. Под жилетом находилась белоснежная рубашка, и ансамбль довершала шейная косынка из муслина – прообраз галстука. Важным аксессуаром дендистского костюма была трость, которой требовалось владеть безукоризненно, мастерски, словно жонглер, а также перчатки, перстни-печатки, золотые часы.

Дендизм включал и специфическую модель поведения: светский образ жизни (салоны, журфиксы, театр, балы, маскарады), благотворительность, литературные обеды, ритуал флиртования, охоту и досуг, связанный с определенным хобби, обычно коллекционированием предметов искусства или роскоши.

Типичные черты дендистской манеры поведения были инспирированы парадигмой Романтизма. Признаком денди являлся эксклюзивизм, культ оригинального, таинственного, апологетика личной свободы, что так органично для романтика. Присущий дендизму романтический индивидуализм основывался на бинарных оппозициях толпа/герой, массы/личность. Денди – это прирожденный оппозиционер, он всегда бросает вызов традиции, моде, власти, общественному мнению. Чувство собственной исключительности у денди проявлялось в различных формах, от иронии вплоть до сарказма, критике дурного вкуса и вульгарности.

Отличительной чертой поведенческой модели денди XIX в. являлась склонность к меланхолии, равно как для денди эпохи *Fin de Siècle* – к неврастении⁴. Типичная для романтического сознания «созерцательная меланхолия» трактовалась как проявление внутренней драмы личности, душевного кризиса, духовного переворота.

Наконец, характерным признаком модели поведения денди была повышенная саморефлексия, погружение (иногда болезненное) в мир собственных эмоций и чувств. Впрочем, романтизм культивировал любые эмоции, не теряя при этом аналитический

³ Вайнштейн О. Б. Денди. С. 18–22.

⁴ См.: Павличко Соломія. Націоналізм, сексуальність, орієнталізм. Складний світ Агатангела Кримського. Київ: Основи. 2000.

контроль⁵. Совершенно очевидно, что в дендизме мирно уживались эмоциональность, рефлексивность, углубленность в свой внутренний мир с интеллектуализмом и демонстративностью.

Дендизм не следует воспринимать исключительно, как умение модно одеваться или специфическую манеру поведения. В широком смысле дендизм – это и мировоззрение, и романтический сценарий жизни. Дендизм как парадигма Модерна уравнивал аристократа и выходца из среднего класса, интеллектуала, клерка и представителя богемы. Пропуском в высший свет становится не только право рождения, но и образование, интеллектуальная или художественная деятельность, дендистский образ жизни, внимание к своей внешности. Дендизм как образ жизни реализуется в романтических жизненных сценариях, который включал обязательно маску аристократа, светские манеры, утонченный вкус, позу оппозиционера в сфере культуры, политики или эстетики, что в конечном итоге вело к трагической развязке – разочарованию, тюрьме, депрессии, душевному кризису, расстройству психики.

Дендизм как культурное явление прошел определенные фазы становления и эволюции. В литературе выделяют три этапа европейского дендизма. Первый связан с возникновением дендизма в Англии на рубеже XVIII–XIX вв. Английский дендизм основывался на британской традиции франтовства и джентльменства. В 20-х гг. XIX в. дендизм из чисто английского явления трансформировался в общеевропейскую моду. Для дендизма как романтического проекта характерны стилистические новации, творческие изыски. В этот период формируется кодекс дендистского поведения, «создаются телесно-гигиенические нормы». Британский дендизм представлен преимущественно в практиках ухода за внешностью, безукоризненностью дендистских манер, умением модно одеваться по принципу «приметной неприметности».

Дендистский хронотоп репрезентован «салонами, клубами, балами, оперою». Доступные широкой публике «модные» романы служили учебником дендистских манер, культивировали «аристократический стиль в обществе» и формировали литературный ка-

⁵ Вайнштейн О.Б. Денди. С. 81–82, 52–54.

нон дендизма. Вместе с тем развитие дендистских практик в жизни и литературе 1830-х гг. тормозилось «викторианским пуризмом», предопределившим окончательное «торможение» дендизма в Англии вплоть до 1880-х гг., «которые открыли эпоху декаданса» (О.Б. Вайнштейн).

Следующая стадия развития дендизма начинается с 1830-х гг., а лидером европейского дендизма становится Франция. Отличительной чертой французского дендизма служил интеллектуализм, обусловленный возникновением идеологии и социокультурных практик Модерна. Во французском дискурсе дендизм превращается в философию городской жизни. Характерным признаком урбанистической философии дендизма становится умение быть «на виду», мгновенно производить приятное впечатление, а также фланирование как особый жанр перформанса (Ш. Бодлер). На смену британской стратегии исключительности (эксклюзивизму) во французских дендистских практиках приходят новые нормы элегантности: темный (преимущественно черный) фрак становится повседневной одеждой франта.

В литературе появляется новый герой Модерна – «персонаж городской повседневности». Изменения претерпевает и дендистский хронотоп: место салонов, клубов, оперы в жизни франта занимают кафе, бульвар/проспект, фланирование с обязательным анализом случайных прохожих, подробным описанием женского и мужского платья. Во французских дендистских практиках происходит трансформация и самого образа денди – вместо холодного, изысканного и сдержанного аристократа доминирует личность интеллектуала, представителя литературно-художественной богемы.

Третий этап в эволюции дендизма связан с европейским декадансом. Посредством литературы в социокультурных практиках и сознании Европы конца XIX – начала XX ст. происходит эволюция образа денди «от богемного художника к утонченному эстету». Отличительной чертой дендизма на этом этапе является идеал искусственности. Окончательно формируется также гомосексуальная составляющая дендизма, имеющая свой язык репрезентаций, который возрождает «первоначальный протестный потенциал» дендизма. Дендизм в дискурсе декаданса использовал стратегии «агрессивной самозащиты», балансирующей благодаря

эстетике кэмп⁶, на грани китча. Для эстетики дендизма конца XIX – начала XX в. характерны увлечение экзотикой и так называемым «парфюмерным дендизмом». В XX в. денди воспринимается как «человек бунтующий», как явный маргинал в обществе⁷.

Специфика российского дендизма

В России дендизм возникает в конце XVIII ст. в придворных кругах, где модники соперничали в роскоши. Со временем франтовство среди аристократии и среднего класса в России воспринималось как особая культура самовыражения через моду, умение одеваться, что являлось средством «модернизации не только одежды, но и образа жизни». Существует микроряд слов/терминов для обозначения феномена франтовства-дендизма: «франт», «щеголь», «пятиметр», «мюскаден. современное – "метросексуал"»⁸.

Социальной базой российского дендизма являлись представители аристократических фамилий и кланов, позднее – тонкий

⁶ Кэмп (Camp style) – как явление возникает в XVII–XVIII вв. (как понятие значительно позднее) и отличается страстью к гипертрофированной декоративности и пышности, преобладанием формы над содержанием и практичностью в интерьерах, мебели, одежде, аксессуарах. Черты стиля Кэмп – манерность, театральность, экстравагантность, эзотеричность, культивирование запретного, таинственного, преувеличенная чувствительность и чувственность. Кэмп предполагает андрогенность, когда особенно ценятся некоторые черты женственности в мужественном мужчине и некоторые маскулинные признаки в женственной женщине. Самосознание Кэмп (кэмпизация) на практике граничит с китчем. Кэмп – это дендизм эпохи массовой культуры, узнаваемыми образами которого являются Грета Гарбо или Рената Литвинова. См.: *Sontag S. Notes on camp* // Sontag S. *Against Interpretation and other essays*. New York, 1966. Рус. пер. Зонтаг Сьюзен. Мысль как страсть // Избранные эссе 1960–70-х годов. М., 1997. С. 48–66; *Осьмак В.* Весь этот камп, или Ужас, как красиво // *Архидея*. 2006. № 4. С. 168–172.

⁷ Там же. С. 482, 481–484.

⁸ О российском дендизме см.: *Курсанова Р.М.* Костюм в русской художественной культуре. М., 1995; *Вайнштейн О.Б.* Полные смотрят вниз: Идеология женской телесности в контексте российской моды // *Художественный журнал*. 1995. № 7; *Vainshtein O.* Female Fashion, soviet style: bodies of ideology // *Russia – women – culture* / Ed. H. Gosçilo, B. Holmgren. Indiana, 1996; *Vainshtein O.* Russian dandyism: Constructing a man of fashion // *Russian Masculinities in history and culture* / Ed. B. Evans Clements, R. Friedman and D. Healey. London, 2002; *Муравьева О.С.* Как воспитывали русского дворянина. СПб., 1998; *Демиденко Ю.* Русские денди // *Родина*. 2000. № 8; *Суслова Е.Н.* Повседневная жизнь русских щеголей и модниц. М., 2003.

слой аристократов-интеллектуалов, для которых одежда служила не столько средством творческого и личностного самовыражения, сколько определенной формой культурного новаторства, даже гражданского протеста, присущих самой природе дендизма.

Образ российского денди начала XIX в. олицетворяет гр. Ф.П. Толстой, а его «Записки» дают представление о моде 1810-х гг. Костюм и манера поведения Ф.П. Толстого в обществе служат действенной формой самопрезентации и личностного протеста в ситуации, когда родственники-аристократы были категорически против его намерений стать художником. Со временем Ф.П. Толстой станет известным гравером, скульптором и живописцем, вице-президентом Академии художеств. Обвинения сыпались на него со всех сторон, от родственников, знакомых и даже посторонних из-за того, что он, первый из дворян и имеющий титул, «избрал путь художника». В аристократических кругах подобный поступок расценивался как унижение, «бесчестие не только своей фамилии, но всего дворянского сословия».

Протестные мотивы в поведении и поступках Ф.П. Толстого органично сочетались с его внешним видом, манерой одеваться. Он сознательно отказался от «смешной, карикатурной, неуклюжей моды», которая не только скрывала фигуру, но, с его точки зрения, портила человека: «...я не рядился в длиннополый до каблук сюртук с высоким отложным воротником, в узко обтягивающие ноги панталоны, входившие до половины икры в сапоги, с гусарской вырезкой и кисточкой наперед, не наворачивал на шею нескольких косынок, чтобы составить широкий и высокий галстук, который бы скрывал всю верхнюю часть моего лица чуть не до верхней губы, и не тратил время на завязывание и расправление по моде, в виде розана, большого банта этого галстука»⁹. Этот ансамбль, по описанию Толстого-художника, дополняли соответствующий внешний вид и прическа: «не выстригал себе затылка и висков под гребенку и не оставлял на голове надо лбом густого и довольно высокого клока волос, называемого а-ля-кок, который нужно было взбивать и причесывать в кольца, на что требовалось

⁹ Записки графа Ф.П. Толстого. Товарища Президента Императорской Академии Художеств 1783–1873 // Русская старина. 1873. Т. 7. № 2. С. 126–127.

ещё больше времени, чем на бант галстука»¹⁰. Вместо описанного модного стереотипа одежды и внешности Ф.П. Толстой отдавал предпочтение простой и удобной одежде для работы, прогулок/фланирования, а также непринужденного общения и отдыха. «Я составил себе, – писал в «Записках» Толстой, – костюм простой, легкий, покойный и вполне удобный для занятий. Он состоял в коротком, до колен, однобортном сюртуке, с низеньким отложным воротником; сюртук сшит был гладко, по моей талии, и обыкновенно был светло-горохового сукна. Остальные части костюма: широкие, длинные, белые, канифасные брюки, однобортный жилет, чулки и башмаки; на шею я повязывал себе небольшой кисейный платок, связанный напереды большим узлом, из-под него я выставлял воротничок сорочки»¹¹. Новаторской была и прическа молодого графа. Имея от природы кудрявые волосы. Толстой не подстригал их «по моде», а оставлял локоны до самых плеч. Его зимний наряд был таким же, как и летний, только из серого сукна.

Описание повседневного костюма со временем превратится в своеобразный канон романтической литературы. Впрочем, для официальных приемов, в гостиных и салонах он вынужден был в соответствии с российской традицией являться в мундире офицера флота, несмотря на то, что вышел в отставку: «в моем вседневном костюме ходил всюду в гости; вышед из флота в отставку с мундиром, я в нем обыкновенно ходил по гостям»¹².

Из «Записок» видно, что молодой гр. Ф. Толстой вел дендистский образ жизни: посещал аристократические салоны, клубы, даже принимал у себя в своей скромной квартире. Так, он был частым гостем салона А.Н. Оленина, вечеров Д.Н. Блудова и др. Следуя салонной моде, молодой граф Ф. Толстой у себя дома тоже завел журфиксы, где бывали начинающие литераторы, поэты, а из родственников – двоюродный брат Ф.И. Толстой (Американец).

Вместе с тем российский дендизм заметно отличался от английского или французского. Важной особенностью дендистской модели поведения в России была показная, демонстративная роскошь. Российские денди своим нарядом стремились демонст-

¹⁰ Записки графа Ф.П. Толстого... С. 127.

¹¹ Там же. С. 125, 127.

¹² Там же. С. 125, 126–127.

рировать материальный достаток, статусность, что вело к злоупотреблению дорогими деталями туалета – всевозможными цепочками, брелками. пуговицами с бриллиантами и другими камнями, а также золотыми застёжками на белье, золотыми пряжками на обуви, шпильками на жабо, перстнями. Английские же денди, напротив, считали страсть к бриллиантам вульгарной. В гардеробе российского модника обязательно была шуба как знак достатка и статуса, недаром говорили «встречают по шубе». Впрочем, шубы могли носить только штатские.

Дело в том, что в отличие от Европы в России форма одежды была достаточно сурово регламентирована: военные, чиновники, студенты, университетские профессора, придворные чины, сановники высшего ранга обязаны были одеваться в присутственных местах соответственно Табели о рангах. В России форма одежды несла значительную семиотическую нагрузку, по мундиру можно было определить чин, должность, ранг, департамент, материальный достаток. Примечательно, что гр. Ф.П. Толстой, модник и «оппозиционер», на официальные приемы, в гостиных и салонах Петербурга являлся в мундире морского офицера.

В российском дендизме 1830–1840-х гг. ощущалась борьба идеологий, противостояние двух культурно-общественных течений – славянофилов и западников. Славянофилы, как, кстати, и руссоманы (например, гр. И.М. Виельгорский, кн. А.И. Барятинский, со временем генерал-фельдмаршал, наместник Кавказа), призывали и сами стремились вернуться к духовным истокам нации. Так, И.М. Виельгорский в письмах к сестре Софи (будущей графине Соллогуб) пропагандировал стиль *a la Rus*. «Как было бы хорошо, если бы мы сделались настоящими русскими и перестали быть обезьянами французов, – русскость он видит в том числе и в смене костюма, – вместо глупых фраков и круглых шляп носили бы древний русский костюм: полукафтания, обшитая мехом, и соболий шапки, вместо бормотания французского говорили бы по русски»¹³. Если молодой Иосиф Виельгорский лишь фантазировал относительно русского стиля в моде, то Константин Аксаков,

¹³ Виельгорский И.М. – Виельгорской С.М. 25 июля 1838 // Наше наследие. 1998. № 46. С. 54.

один из лидеров московского славянофильства, появлялся в гостиных и салонах Москвы в русском народном костюме, сшитом, правда, у лучшего французского портного.

Западники и представители «литературной аристократии», в круг которой в 1830-х гг. вошел и Гоголь, были преимущественно настоящими денди: А.С. Пушкин, П.Я. Чаадаев, И.И. Панаев, позднее И.А. Гончаров, И.С. Тургенев и др. Много сказано о дендизме Пушкина¹⁴, чьим великосветским и литературным двойником являлся Евгений Онегин – «мод воспитанник примерный», дендистский костюм которого поэт и описывает: «Но панталоны, фрак, жилет, / Всех этих слов на русском нет». Типичным денди был И.И. Панаев, редактор «Современника», который вдвоем с женой Авдотьей Панаевой вели раздел моды.

Писатель И.А. Гончаров, имеющий тоже репутацию денди, предложил собственную классификацию модных типов – российских денди. Первый тип – франт, тот, кто умеет безукоризненно одеваться; следующий тип – «светский лев», который не только изысканно одет, но и своими манерами, привычками, образом жизни создает определенные стереотипы поведения, образцы для подражания; и третий тип модника – «человек хорошего тона», с тонким вкусом, врожденным чувством такта, безупречно владеющий искусством общения, которому присущ «императив сдержанности», что не мешало ему, однако плутовать в картах или просто «забыть» о своем карточном долге.

Особенностью российского литературного дендизма был усиленный интерес к описанию деталей одежды, стиля поведения модника (О. Вайнштейн). Описание деталей модного туалета находим в фельетонах И.А. Гончарова «Письма столичного друга к провинциальному жениху» (1840), воспринимавшихся как своеобразный трактат о моде. В Дневнике И.М. Виельгорского встречаются чисто дендистские описания отдельных предметов женского туалета – нарядов императрицы, которые так волновали эротическое воображение «бедного Иосифа». Так, Иосиф приводит пикантный эпизод во время прогулки на Елагином острове царской

¹⁴ См.: Гроссман Л. Пушкин и дэндизм // Гроссман Л. Собр. соч.: в 4 т. М., 1928. Т. 1; Greenleaf M. Pushkin and Romantic Fashion: Fragment, Elegy, Orient, Irony. Stanford. 1994.

свиты. «Приятно было, когда приехала императрица и, выходя из саней, показала свой башмачок цвета массака, над ним – тонкий шелк чулка и кружевную оборку слегка приподнявшихся панталон», – все детали женской одежды Иосиф описывает по-французски, как делал всегда, скрывая свои тайные мысли и эротические фантазии. По-французски он описывает и предметы туалета во время пребывания царского двора в Царском селе: «В 11 часов собрались в зале. Императрица в платье желтого муслина, черных башмаках и кружевных панталонах. Эта последняя деталь одежды привела меня в отчаяние»¹⁵.

Переход к Гоголю

В российском дискурсе дендистский хронотоп ассоциировался с Невским проспектом, который Гоголь называл «всеобщей коммуникацией Петербурга», т. е. сердцем столицы. В его изображении Невский проспект – прекрасное руководство по изучению российского дендизма. Фланирование выступает как жанр городского перформанса, чертами которого являлись театральность, плавный шаг, наблюдательность. «Едва только взойдешь на Невский проспект, как уже пахнет одним гуляньем». Основным занятием денди-фланера во время прогулки являлось наблюдение за окружающим, фиксирование деталей. Городское пространство представляло карту желаний денди (О. Вайнштейн). Искусство дендистского фланирования предполагало плавность, неторопливость движений, язык взглядов и жестов, парад дресс-кодов. Каждая социальная группа идентифицировала себя с определенным дресс-кодом (манерой одеваться, принятой в конкретной группе или ситуации). Дендистская прогулка воспринимается как «фланерский текст», а фланер-денди – культурный герой.

«Невский проспект» у Гоголя – это действительно «фланерский текст», со своими перформансами, дресс-кодами, стратегиями репрезентации различных форм телесности и моды. Невский проспект в изображении Гоголя живет своей собственной насыщенной жизнью, которая имеет определенный ритм, социальную темпоральность; с Невским происходит настоящая «фантазмагория на протяжении одного дня».

¹⁵ «Журнал 1838 года» // Наше наследие. 1998. № 46. С. 52, 53.

Ранним утром на проспекте можно встретить «старух в сапогах», мужиков, спешащих на работу, нищих у кондитерских или сонного чиновника, который «проплетется с портфелем под мышкой» к своему департаменту. Словом, утром Невский пуст. С 12-ти часов Проспект постепенно заполняется, и первыми «набег» делают «гувернеры всех наций со своими питомцами в батистовых воротничках». В это время Проспект превращается в «педагогический Невский проспект». Ближе к 2-м часам гувернеры и дети вытесняются «нежными их родителями», которые фланируют под ручку, и всеми, кто служат в иностранной коллегии. С 3-х часов — «новая перемена»; на Невском словно наступает весна, «он покрывается весь чиновниками в зеленых вицмундирах», все устремляются перекусить: «голодные титулярные, надворные и прочие советники», «молодые коллежские секретари спешат ещё воспользоваться временем и пройтись по Невскому проспекту». С 4-х часов Невский пустеет, редко на нём можно встретить какую-либо швею с коробкой в руках, или «заезжего чудака», или англичанку «с ридикулем и книжкою в руках», или артельщика. Вечером в свете огней Невский «опять оживает и начинает шевелиться». Тут можно встретить много, преимущественно холостых, молодых людей в «теплых сюртуках и шинелях» и почтенных стариков, бегущих, как и «молодые коллежские регистраторы, с тем, чтобы заглянуть под шляпку издали завиденной дамы».

Невский проспект в изображении Гоголя является настоящей «энциклопедией» российского дендизма и представляет карту желаний денди. Речь идет о дендистской телесности: бакенбарды, усы; предметы мужской и женской одежды — сюртуки, дамские рединготы, женские шляпки; узкие талии, роскошные рукава: «Всё, что вы встретите на Невском проспекте, всё исполнено приличий: мужчины в длинных сюртуках, с заложенными в карманы руками, дамы в розовых, белых и бледно-голубых атласных рединготах и шляпках. Вы здесь встретите бакенбарды единственные, пропущенные с необыкновенным и изумительным искусством под галстук, бакенбарды бархатные, атласные, черные как соболь или уголь, но, увы, принадлежащие только одной иностранной коллегии... Здесь вы встретите усы чудные... усы, которым посвящена лучшая половина жизни, — предмет долгих бдений во время дня и

ночи, усы, на которые излились восхитительные духи и ароматы и которых умастили все драгоценнейшие и редчайшие сорта помад, усы, которые заворачиваются на ночь тонкою веленовою бумагою, усы... которым завидуют проходящие»¹⁶.

Чего стоит следующий пассаж Гоголя касательно деталей женского наряда и фигуры: «Тысячи сортов шляпок, платьев, платков, — пестрых, легких... Здесь вы встретите такие талии, какие даже вам не снились никогда: тоненькие, узенькие талии, никак не толще бутылочной шейки... А какие встретите вы дамские рукава на Невском проспекте!.. Они несколько похожи на два воздухоплавательных шара, так что дама вдруг бы поднялась на воздух, если бы не поддерживал её мужчина»¹⁷.

Невский проспект у Гоголя репрезентирует кодекс дендистского поведения и манер, язык жестов — взгляды, приветствия, улыбки при встречах как «верх искусства». Действительно, права О.Б. Вайнштейн, Невский проспект выступает у Гоголя как «хронотоп флианрования».

Совершенно очевидно, что дендизм Гоголя — сложный и тонкий культурно-интеллектуальный феномен, который ждет специального осмысления. Понятие «дендизм Гоголя», на наш взгляд, многозначно и многослойно, что предполагает описание стилистики его внешности, ментальных черт характера, манеры одеваться, отношение к моде, дендистский быт, смену моделей поведения, литературный дендизм, а также жизненную философию и романтический сценарий собственной жизни.

Гоголь-денди: стилистика внешности, модели поведения

Деконструкция образа Гоголя-денди возможна посредством сетевого анализа, который опирается на кластеры свидетельств друзей, коллег, партнеров, родственников, дополняющих или опровергающих один другого. Такой прием дает возможность бесконечных вставок, новелл, дополнений при описании структур повседневности Гоголя и литературного быта его окружения.

¹⁶ Гоголь Н.В. Невский проспект // Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 7 т. Т. 3. М., 1966. С. 7–10.

¹⁷ Там же. С. 7–11.

Дендистские наклонности у Гоголя проявляются довольно рано, ещё в гимназический период. В этом убеждает его живой интерес в новинкам столичной моды, модным аксессуарам и ценам на них. Юный Гоголь просит Г. Высоцкого, товарища по Нежинской гимназии, жившего уже в Петербурге, «написать о ценах на квартиры» и заказать «в Петербурге портному самому лучшему фрак для меня. Мерку может снять с тебя, потому что мы одинакового росту и плотности с тобой». О склонности Гоголя к франтовству (начальной фазе дендизма) свидетельствует и то, как он живо интересуется сукном на фраки, модными тканями для жилетов и панталон: «Напиши, пожалуйста, какие модные материи у вас на жилеты, на панталоны, выставь их цены и цену за пошить»¹⁸.

Гоголя-франта волнуют и модные аксессуары – манишки, шейные косынки, столичной дороговизной которых он был удивлен: «Более всего удивило меня, что самые пустяки так дороги, как-то: манишки, платки, косынки и другие безделушки. У нас, в доброй Малороссии, ужаснулись таких цен...». Разумеется, франтовство Гоголя имело провинциальный характер, что замечали его друзья-аристократы, хотя со временем он приобрел столичный лоск и считался настоящим денди.

Дендизм Гоголя формировался под воздействием его аристократического окружения, куда он попал благодаря своему таланту и литературному признанию. Мелкий малороссийский дворянин, заурядный петербургский чиновник, начинающий литератор – парадоксально, но факт, в начале 1830-х гг. оказался в изысканном обществе столичных интеллектуалов-денди, таких как кн. П.А. Вяземский, А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, П.А. Плетнев, В.Ф. Одоевский, а также московских знакомых, университетских профессоров С.П. Шевырева, М.П. Погодина, М.А. Максимовича, О.М. Бодянского, хозяев престижных литературных салонов Аксаковых, Елагиных-Киреевских, известного денди П.Я. Чаадаева, о котором говорили, что он «стал рабом собственных комфортабельных привычек»¹⁹.

¹⁸ Н.В. Гоголь – ГИ. Высоцкому 26 июня 1827 // Гоголь Н.В. Собр. соч. Т. 7. М., 1967. С. 51, 50.

¹⁹ Записки Дмитрия Николаевича Свербеева (1799–1826). М., 1899. Т. 2. С. 404.

В блестящих столичных салонах Гоголь выглядел типичным франтом. по выражению С.Т. Аксакова, «франтиком в модном фраке». Согласно светскому этикету денди должен иметь, по крайней мере, три фрака – один для утренних визитов и дел, для которого предпочтительной оставалась зелено-гороховая гамма; второй – для званных обедов, *diner en ville*, на которые следовало являться во фраках синего или темно-лазурного, голубого цвета. Для балов и траурных церемоний обязательным был черный фрак²⁰.

Характеристики дендистской телесности Гоголя отражаются в калейдоскопе бесчисленных свидетельств современников, как близких друзей, так и случайных знакомых. При первом знакомстве Гоголь производил впечатление франта (по классификации И.А. Гончарова, – человека, умеющего элегантно одеваться в соответствии с требованиями моды). Внешность молодого Гоголя описывает один из участников пятничных журфиксов А.Ф. Воейкова в начале 1830-х гг. Гоголь был «роста среднего и довольно худощав. подвижен, жив, но слегка сутуловат... имел светлые глаза, узкий продолговатый нос, дававший всей физиономии что-то словно птичье. Добродушная, но не без задней мысли улыбка, столь присущая физиономиям природных малороссиян из всех сословий, не сходила с его несколько суженых губ». Костюм Гоголя выдавал в нем франта, но провинциального, и состоял «из каких-то горохового цвета брюк, темно-коричневого с искрой фрака и лилового с цветочками жилета. Всё это было с иголочки; но не отличалось искусством портного. Галстук у него был черный атласный с пряжкой, как тогда все носили; но надетый не совсем ловко, почему беленькие тесемки от манишки выбивались сзади и падали на бархатный воротник фрака»²¹.

Внешний вид Гоголя удивил и Аксаковых при знакомстве с ним в 1832 г.: «наружный вид» Гоголя был «невыгодным для него: хохол на голове, гладко подстриженные височки, выбритые усы и подбородок, большие и крепко накрахмаленные воротнички придавали совсем другую физиономию его лицу». Дендизм Гоголя,

²⁰ См.: Вайнштейн О.Б. Денди. С. 492.

²¹ Петербургский старожила В.Б. [В. Бурнашев]. Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания // Русский вестник. 1871. № 11. С. 169–170.

скорее «претензия на щегольство», производил, по словам С.Т. Аксакова, неприятное впечатление: «нам показалось, что в нём было что-то хохлацкое и плутоватое». С.Т. Аксаков в деталях описывает костюм и манеру поведения Гоголя при их первой встрече: «У меня осталось в памяти, что на нём был пестрый светлый жилет с большой цепочкой». Удивила Аксаковых и манера поведения Гоголя в светском обществе: «Гоголь сказал про себя, что он был прежде толстяк, а теперь болен». В глаза бросались высокомерие, неуважение к присутствующим: «он держал себя неприветливо, небрежно и как-то свысока, чего, разумеется, не было, но могло так показаться»²².

Для Гоголя-денди характерен эксклюзивизм, экстравагантность, культ оригинального. Гоголь мог позволить себе даже фантастический наряд: «...вместо сапог длинные шерстяные русские чулки выше колен: вместо сюртука, сверх фланелевого камзола, бархатный спенсер; шея обмотана большим разноцветным шарфом, а на голове бархатный, малиновый, шитый золотом кокошник, весьма похожий на головной убор мордовок»²³. Дендистские анекдоты о Гоголе рисуют его настоящим жилетоманом, который якобы покинул прием, организованный В. Юзефовичем в Киеве (1848 г.) в его честь, из-за того, что на одном из приглашенных оказался подобный жилет²⁴.

Специфика Гоголя-денди заключалась в постоянном поиске своего образа, смене имиджа, костюма, внешности, поведенческих реакций. Эту особенность гоголевской телесности современники объясняли внутренними драмами писателя, болезнью, душевным кризисом. В Риме Гоголь, живший в окружении художественной богемы и семей русских аристократов, по свидетельству Г.П. Галагана, уделял много внимания своей внешности: часто менял прическу, форму усов, фантазировал в одежде: «то обстрижется совсем коротко, то опять запустит волосы, зачесывая их на лоб, на глаза, то зачесывая их назад». При мне, вспоминал

²² Аксаков С.Т. История моего знакомства с Гоголем. С.-Петербург [Б.г.]. С. 20–21.

²³ Там же. С. 37.

²⁴ Ясинский П.И. Анекдот о Гоголе // Исторический вестник. 1891. Т. 44 (апрель, май, июнь). С. 595, 596.

Г.П. Галаган о римском сезоне 1842–1843 гг., «Гоголь носил волосы довольно длинные и усы несколько подстриженные»²⁵.

Дендистские предпочтения Гоголя заметил и Анненков, называя их «страстью к рукоделью»: с приближением лета Гоголь «начинал выкраивать для себя шейные платки из кисеи и батиста, подпускал жилеты на несколько линий ниже и проч., и занимался этим делом весьма серьезно. Я застал его перед столом с ножницами и другими портняжными материалами, в сильной задумчивости»²⁶.

Перемены во внешнем виде Гоголя Аксаковы заметили в 1839 г., когда, вернувшись в Россию, он жил в Москве: «Наружность Гоголя так изменилась, что его можно было не узнать: следов не было прежнего, гладковыбритого и обстриженного (кроме хохла) франтика в модном фраке! Прекрасные белокурые густые волосы лежали у него почти по плечам; красивые усы, эспаньолка довершали перемену: все черты лица получили совсем другое значение; особенно в глазах, когда он говорил, выражалась доброта, веселость и любовь ко всем; когда же он молчал или задумывался, то сейчас изображалось в них серьезное устремление к чему-то высокому». Постепенно меняется и дресс-код Гоголя: фраки в его гардеробе уступают место сюртукам. «Сюртук вроде пальто заменил фрак», который Гоголь надевал только в совершенной крайности. Самая фигура Гоголя в сюртуке, — по свидетельству С.Т. Аксакова, — сделалась благообразнее.

Ещё более разительные метаморфозы во внешности Гоголя происходят спустя два года. В 1841 г. во время очередного приезда в Россию «последовала сильная перемена в Гоголе... по наружности он стал худ, бледен»²⁷. Встретившись с Гоголем в Париже в 1846 г., Анненков заметил, что он похудел, постарел, но лицо приобрело особого рода красоту, «которую нельзя иначе определить, как назвать красотой мыслящего человека. Лицо его побледнело, осунулось, глубокая, томительная работа мысли положила на нем ясную печать истощения и усталости». Анненков

²⁵ Записка Галагана о Гоголе в Риме // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1984. М., 1986. С. 67.

²⁶ Анненков П.В. Литературные воспоминания. Л., 1928. С. 111.

²⁷ Там же. С. 20, 67.

рисует портрет интеллектуала, внешность которого менялась благодаря напряженной работе мысли: «Это было лицо философа». Гоголь и сам сознавался Анненкову, что выражение его лица меняется не то что день ото дня, а несколько раз ко дню: «писать с меня весьма трудно: у меня по дням бывают различные лица, но иногда и на одном дне несколько совершенно различных выражений». Это подтверждал и Ф. Моллер, работавший над портретом Гоголя²⁸.

Модель поведения Гоголя полностью вписывалась в денди-стские практики того времени, в нём органично сочетались меланхолия и веселость, как основа его экстравагантных поступков. Есть все основания говорить о циклотимическом типе гениальности Гоголя, признаком которого (типа) были резкие смены настроения, поведения, психических состояний; приступы тоски сменялись невиданным проявлением трудоспособности, всплеском эмоциональной энергии²⁹. Экстравагантность поведения Гоголя проявлялась в неожиданных, часто полярных, сменах настроения, от меланхолии к приступам веселости, от молчаливого самоуглубления к неудержимой разговорчивости.

В Риме, вспоминает Анненков, после напряженных дневных занятий на Гоголя нападала неожиданная веселость, он мог позволить себе прыгать, петь малороссийские песни на улицах, танцевать, жонглируя тростью или зонтиком. «Гоголь взял с собой зонтик на всякий случай, и как только повернули мы налево от дворца Барберини в глухой переулок, он принялся петь разгульную малороссийскую песню, наконец, пустился просто в пляс и стал вывертывать зонтиком на воздухе такие штуки, что не далее двух минут ручка зонтика осталась у него руках, а остальное полетело в сторону»³⁰.

По словам Г. Галагана, который провел с Гоголем в Риме зимний сезон 1842/43 гг., он «был очень неровен в степени разговорчивости: иногда он просиживал почти совершенно молча це-

²⁸ Анненков П.В. Литературные воспоминания. С. 115.

²⁹ Эфроимсон В.П. Циклотимические гении и таланты (Николай Васильевич Гоголь) // Эфроимсон В.П. Генетика гениальности. Биосоциальные механизмы и факторы наивысшей интеллектуальной активности. 2-е изд. М., 2003. С. 198–203.

³⁰ Цит. по: Гинзбург В.В. Гоголь. М., 1999. С. 202.

лый вечер, потупя голову... иногда, напротив, он бывал очень разговорчив, то рассуждал о предметах весьма глубоких, то смешил нас своими юмористическими выходками»³¹.

Отличительной чертой дендистской модели поведения и творческой манеры Гоголя-писателя служила ирония, модным считалось говорить иронично о серьезном и, наоборот, серьезно о мелочах. Гоголевская ирония была многоликой – добродушный юмор, искрометная веселость могли переходить в насмешку, глумление, злую сатиру, розыгрыши друзей и знакомых, мистификации случайных людей. Гоголь-ироник позволял себе эпатажные поступки настолько, насколько это соответствовало дендистскому кодексу поведения. Так, на одной из «сред» Чаадаева, не обращая внимания на хозяина и гостей, Гоголь сел в кресло и проспал весь вечер. У Гоголя была также привычка опаздывать, тем самым привлекая к себе внимание.

Практики романтической иронии требовали постоянной смены масок и ролей. Гоголь выступал то мистификатором, то комиком, то душой компании, то угрюмым молчуном, друзьям и партнерам по интересам трудно было приспособляться к Гоголю, который был то молчаливым, то говорливым, то благообразным, то эпатажным.

Дендистский быт

Дендизм означал не только умение модно одеваться, но и образ жизни со своими ритуалами, привычками, досугом как достижение культуры Модерна. Гоголь вел салонный образ жизни. Сначала это были скромные вечера в окружении друзей-нежинцев, потом аристократические гостиные, салоны знаменитостей, престижные журфиксы Петербурга и Москвы. Находясь за границей, Гоголь стремился создать свою собственную среду общения, сердцем которой и становится римский кружок интеллектуалов. Гоголь, не имея собственного дома и семьи, живет у друзей, покровителей и почитателей – П.А. Плетнева, М.П. Погодина, В.А. Жуковского, гр. А.П. Толстого, в загородных резиденциях и на дачах у А.О. Смирновой-Россет, Аксаковых в Абрамцево. Вращаясь в светском обществе столиц среди изысканных интеллектуалов,

³¹ Записка Галагана о Гоголе в Риме. С. 66.

столичных модниц и денди, Гоголь тщательно следит за своим внешним видом, одеждой, прической.

Важным компонентом дендистского образа жизни Гоголя был дендистский гедонизм. Истинный денди – жизнелюб, которому присущ чувственный контакт с реальностью: комфорт, культура ухода за внешностью, телом, нормы гигиены, парфюмерный дендизм, красивая одежда, гурманство.

Гоголь-денди был гурманом, любил сам готовить экзотические блюда и напитки. В Риме у него был свой ритуал – обязательный утренний крепкий кофе со сливками в кафе Греско, где традиционно собирались русские художники. Из Рима Гоголь вывез привязанность к итальянской кухне, в частности спагетти. Гоголь, по замечанию С.Т. Аксакова, «был немножко гастрономом», если судьба не сделала его «великим поэтом, то он был бы непременно артистом-поваром». С. Аксаков подробно описывает вкусовые предпочтения и дендистские перфомансы Гоголя. На одном из вечеров у Аксаковых Гоголь, приказав подать недоваренные макароны, «сам принялся стряпать. Стоя на ногах перед миской, он засучил обшлага и с торопливостью, и в то же время с аккуратностью, положил сначала множество масла и двумя соусными ложками принялся мешать макароны. потом положил соли, потом перцу и наконец сыр и продолжал долго мешать... когда распустившийся сыр начал тянуться нитками, Гоголь с великою торопливостью заставил нас положить себе на тарелки макарон и кушать»³². Позднее Аксаковы организовывали у себя так называемые «вареники», званные обеды по воскресеньям для «трех хохлов» – Гоголя, Максимовича, Бодянского.

Настоящей же страстью Гоголя было приготовление особого напитка – «жженки», смеси рома с шампанским. Ритуал по изготовлению «жженки» Гоголь умело и охотно исполнял как очередной дендистский перфоманс в день своего тезоименитства. Гости собирались в беседке, описывал Аксаков, «где Гоголь собственноручно, с особенным старанием приготавливал жженку. Он любил брать на себя приготовление этого напитка, причем говаривал много очень забавных шуток».

³² Аксаков С.Т. История моего знакомства с Гоголем. С. 23, 42–43, 44.

О дендистских привычках Гоголя свидетельствует хронометраж повседневности: вставал он рано, ставил перед собой графин с водой и приступал к работе, потом завтрак, кофе в шумном обществе кофеев, и снова садился за стол или стоял за конторкой (Гоголь часто писал стоя), в 4 часа обед, после которого следовала обязательная прогулка в сопровождении друзей, вечер проводился в окружении друзей, партнеров по обсуждению в беседах, за игрой в карты или бильярд, с бутылкой итальянского вина. Данный стереотип повседневности был выработан Гоголем в Риме, за границей, где он провел 12 лет. В Петербурге в самом начале своей карьеры хронометраж повседневности был иным: служба в «присутствии» до 3-х дня, затем уроки живописи в Академии художеств, вечера с друзьями-нежинцами у себя на квартире или у кого-либо из них.

Первый литературный успех открыл Гоголю двери в престижные салоны петербургских интеллектуалов, аристократические гостиные обеих столиц, в которых он прошел так называемый «светский тренинг», учился общению, правилам хорошего тона в высшем обществе соответственно статусу и ситуации. Известен эпизод, когда Плетнев, Пушкин и Жуковский уговаривали Гоголя, который очень стеснялся, поехать к Смирновой-Россет, которая хотела с ним познакомиться, и чуть ли не «под конвоем» привели его в Зимний дворец: «...Я закобенился, не захотел повиноваться; но тут Жуковский и Пушкин оба закричали на меня и сказали, что я глуп и невежа, и грубиян, что все должны слушаться Александры Осиповны»³³. Со слов Гоголя известно, что первый урок великосветского этикета преподавала ему сама А.О. Смирнова, найдя близкую ему тему для разговора о Малороссии и их малороссийском землячестве. Такой прием сразу настроил новичка Гоголя на дружеский лад и преодоление чувства неловкости в таком изысканном обществе: «Когда она увидала меня с моим конвоем, она сказала: "Наконец-таки пришли! Ведь я хохлачка, и я понимаю Малороссию. Мне было всего семь лет, когда я уехала на север, на скучный север, а я все помню и хутора, и малороссийские

³³ Шенрок В.Н. А.О. Смирнова и Н.В. Гоголь // Русская старина. 1888. Т. 58. № 4. С. 47.

леса, и малороссийское небо, и солнце. Поговорим о родном крае", "Александра Осиповна прочитала мне малороссийские стихи"»³⁴. Позднее Гоголь сам многократно читал свои произведения в салоне Смирновой, где часто бывали и члены царской фамилии. Разумеется, Гоголь прошел прекрасную школу столичного дендизма, великосветских манер и ритуалов, умения одеваться и держаться в обществе. Вместе с тем изъяны бытового дендизма Гоголя полностью компенсировались его литературным дендизмом.

Дендистская модель поведения предполагала всевозможные занятия, хобби, увлечения, как-то: живопись, спорт, музицирование, литература, коллекционирование. Гоголь всю жизнь увлекался живописью, в начале 1830-х гг. брал уроки живописи в Академии художеств, и имел «значительный талант» (С.Т. Аксаков). Этими обстоятельствами объясняется легкость вхождения Гоголя в среду российских художников в Риме: А.А. Иванов, Ф.И. Иордан, И.С. Шаповаленко, Ф.А. Моллер и др. Во время пребывания в Риме Жуковского вместе с наследником Гоголь и Жуковский занимались живописью, Жуковский даже написал его портрет.

Признаком дендистского образа жизни было коллекционирование. Гоголь собирал английские кипсеки с видами Греции, Индии, Персии — гравюры «тонкой работы по стали», где основной эффект достигался благодаря игре светотеней. Гоголь собирал также дорогие альманахи, откуда черпал знания об архитектуре разных стран³⁵.

Таким образом, дендизм выступал как «универсальная маска» или «социальный лифт», позволяющие разночинцу, провинциалу или мелкопоместному дворянину войти в столичное сообщество аристократов-интеллектуалов, с присущим ему особым кодом поведения, одежды и языка. Социальное происхождение, как правило, скрывалось под маской дендизма — умения модно одеваться, хороших манер, салонного образа жизни, характера интеллектуальных занятий.

³⁴ Шенрок В.И. А.О. Смирнова и Н.В. Гоголь // Русская старина. 1888. Т. 58. № 4. С. 47.

³⁵ Анненков П.В. Литературные воспоминания. С. 55.

Литературный дендизм Гоголя

Квинтэссенцией литературного дендизма Гоголя являлась рефлексия относительно собственного творчества, над которым он начал задумываться со второй половины 1840-х гг. Серьезной проблемой Гоголь считал несовершенство своей речи: «Я до сих пор, как ни быюсь, не могу обработать слог и язык свой». Впрочем, своим приобретением Гоголь находил скорее психологизм, чем словесность («Всё мною написанное замечательно только в психологическом значении, но оно никак не может быть образцом словесности»)³⁶.

Спустя два года мысли Гоголя о собственном творчестве становятся ещё более откровенными. Он отдаёт себе отчет, что в том «литература заняла почти всю жизнь мою, и главные мои грехи – здесь». Ещё 20 лет тому назад он понял, что не может быть связанным ни семейными узами, ни служебными обязанностями, единственное его предназначение – литература и что «словесное поприще есть тоже служба».

Неожиданным для Гоголя оказался и тот факт, что он стал «сатирическим писателем». Имея от природы меланхолический характер, к которому «присоединись» болезнь и хандра, Гоголь, чтобы развеселить себя, стал без всякой задней мысли придумывать героев и ставить их в смешное положение: «И эти-то самые болезнь и хандра были причиной той веселости, которая явилась в моих первых произведениях: чтобы развлекать самого себя, я выдумывал без дальнейшей цели и плана героев, становил их в смешные положения – вот происхождение моих повестей!»

Гоголь не только идентифицирует себя как писателя-сатирика, но и выделяет основные этапы своей иронии: сначала ирония, веселость служили самозащитой от тоски и болезни, смех был добрым и никого не обижал. Следующий этап – это «Ревизор». Осознав силу смеха, Гоголь решил собрать «всё дурное, какое только я знал, и за одним разом над всем посмеяться – вот всё происхождение ‘Ревизора’!» Дальнейшую эволюцию своего сатирического таланта Гоголь связывал с работой над «Мертвыми

³⁶ Н.В. Гоголь – П.А. Плетневу 1 декабря 1846 // Цит. по: Гиппиус В. Гоголь. С. 318–319.

душами», которая продвигалась крайне медленно, не хватало, по собственному признанию автора, литературного мастерства «связывать» и «развязывать» ход событий. Гоголь передает свои внутренние ощущения, все муки творчества, когда имеешь навыки письма, а «способность творить всё не возвращалась». С большими трудностями, признает Гоголь, он завершает работу над первым томом поэмы.

Однако снова приходит чувство неудовлетворенности: «как я был ещё далек от того, к чему стремился». На последнем этапе собственной литературной и душевной истории Гоголь беспощаден к своему творческому егo: вдохновение не возвращалось, перо не слушалось, нарастало раздражение, нервы сдавали («Изгрызалось перо, раздражались нервы и силы — и ничего не выходило»). Гоголь начал терять веру в себя: «Я думал, что уже способность писать просто отнялась у меня». И вдруг болезни и тяжелые душевные переживания повернули его «к наблюденью внутреннему над человеком и над душой человеческой». Наблюдения над человеческой душой Гоголь начинает с себя, с «собственной своей души». Перемены своего душевного и творческого состояния Гоголь определяет как «крутой поворот», с которым и связывает возвращение дара творить: «с тех пор способность творить стала пробуждаться; живые образы начинают выходить ясно из мглы»³⁷. Показательно, что «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголь обозначает как «собственную душевную историю автора» и подчеркивает, как непросто решиться «выставить себя на всеобщий позор и осмеяние»³⁸. Известно, что он писал мемуары, но недовольный ими, сжег рукопись.

Важнейшей составляющей литературного дендизма Гоголя являлась рефлексия над собственной творческой лабораторией, смыслом писательского труда, спецификой творческой манеры, всем тем, что он называл «исповедью литературного труда моего». Оторванный от российской действительности, Гоголь ощущал дефицит наблюдений относительно настроений, быта и привычек российского общества, необходимых для создания литературных

³⁷ Н.В. Гоголь — В.А. Жуковскому 10 января 1848 // Гоголь Н.В. Собр. соч. Т. 7. С. 360–365.

³⁸ Н.В. Гоголь — В.Г. Белинскому 20 июня 1847 // Там же. Т. 7. С. 345.

образов. Не случайно он обращался к близким друзьям с просьбой присылать небольшие зарисовки нравов и разных человеческих характеров. Так, Гоголь просил А.О. Смирнову-Россет присылать описания во всех подробностях (как говорит, сидит, одевается, кокетничает) таких социально-психологических типов, как: «Городская львица», «Непонятная женщина», «Городская добродетельная женщина», а также «Честный взяточник». «Губернский лев» (провинциальный денди). «Мне нужно много набрать знаний; мне нужно хорошо знать Россию», — заключал Гоголь³⁹.

С аналогичной просьбой он обращался к своему давнему приятелю А.С. Данилевскому и его молодой жене Ульяне, которые жили в Киеве. В частности, Гоголя интересуют такие провинциальные типы, как «Киевский лев», «Губернская *femme incomprise*» (Непонятая женщина). «Чиновник-европеец», «Чиновник-старовер» и проч.⁴⁰

Своим корреспондентам Гоголь дает советы, как вести наблюдения. фиксировать словно мимоходом, но тщательно, «в виде журнала», то, о чём говорил человек, «жизни он следующей; характера следующего» (словом, в беглых чертах портрет его); если ж он незнакомец, «то жизни его я не знаю, но думаю, что он вот что, с вида же он казист и приличен (или неприличен); держит руку вот как; сморкается вот как; нюхает табак вот как»; словом, — наставляет Гоголь, — не пропуская ничего того, что видит глаз, от вещей крупных до мелочей»⁴¹.

Все эти советы-наставления Гоголя раскрывали, в первую очередь, его собственную «творческую кухню». Создается впечатление, что он не изображал художественно, а изучал сознательно и настойчиво современное ему общество. Наблюдать, фиксировать, задавать себе вопросы и искать ответы в человеческой природе — таков алгоритм творческой деятельности Гоголя. Он как художник жил не вдохновением, а ежедневным кропотливым трудом.

Творческая мастерская Гоголя-писателя включает и такой прием, как составление словариков незнакомых слов и переписыв-

³⁹ Н.В. Гоголь — А.О. Смирновой 22 февраля 1847 // Там же. Т. 7. С. 332, 330.

⁴⁰ Н.В. Гоголь — А.С. У.Г. Данилевским // Цит. по: *Гиппиус В.В.* Гоголь. С. 325.

⁴¹ Н.В. Гоголь — А.О. Россету 15 апреля 1847 // Гоголь Н.В. Собр. соч. Т. 7. С. 336–337.

вание собственноручно своих сочинений каллиграфическим почерком, в частности, он так любил переписывать, что иногда увлекался и переписывал даже напечатанное⁴².

Уникальным явлением литературного дендизма Гоголя являлись его коммуникации с читателями. Безусловно, Гоголь обладал харизмой чтеца. Художественное чтение авторами собственных произведений являлось частью российской салонной культуры. О мастерском чтении Гоголем собственных сочинений и своих литературных друзей (Пушкина, Жуковского) ходили легенды, возникла целая мифология. Гоголь так входил в образ, что окружающие не замечали переход от обычного разговора к началу художественного чтения. Такой эпизод передает И.И. Панаев. Гоголь, по его мнению, читал непревзойденно, драматически и одновременно просто, так, что у слушателей мурашки бегали по телу от удовольствия. С. Аксаков считал, что Гоголю особенно удавалось комическое чтение.

Гоголь безукоризненно владел интонацией, что позволяло ему передавать все «оттенки мысли», нюансы художественного образа. Его чтение резко отличалось от традиционного, театрального, без какой-либо декламации, манера чтения поражала простотой, отсутствием искусственности, отмечалась музыкальность.

Обращает внимание обратная связь в коммуникациях Гоголя — связь с читателем. Не только Гоголь, его книги интересовали читателей, но и сам Гоголь живо интересовался рецепцией своих произведений, в частности «Выбранных мест из переписки с друзьями» среди различных групп читателей. Приятели Гоголя по его просьбе даже сконструировали общий портрет его читательской публики. Борьба мнений вокруг «Переписки» как наиболее провокационного произведения Гоголя служит яркой иллюстрацией характера коммуникаций автор/читатель. А.О. Россет выделяет такие категории читателей: представители высшего света, которые интересовались иностранными книгами и влиянию русской книги не подлежали; следующая группа читателей — помещики, живущие уединенно в провинции вдали от столичного шума, интересующиеся коренными началами, русским бытом, по-

⁴² Тарасенков А. Последние дни жизни Гоголя. М., 1902. С. 10–13.

требностями России, именно они в состоянии оценить «Переписку», главная тема которой «христианство, царь и Россия». Третья группа читателей – «третье сословие» – самая многочисленная, к ней относится «среднее с.-петербургское и московское выслужившееся дворянство, огромный класс чиновников (53 000), мелких писак (их у нас уже много), артистов всякого рода и иных и прочих, всякого сброда, которые выслушали университетский или гимназический курсы». Именно эта группа читателей, убеждает А. Россет Гоголя, – «ваша публика», которая вас читала и ценила⁴³. Примечательна обратная реакция самого Гоголя: высказывания и оценки читателей он воспринимал как составляющую своего творчества, более того, считал «школой» творчества («это единственная школа моя»)⁴⁴.

Другой корреспондент и близкий товарищ Гоголя Н.Я. Прокопович, подобно А.О. Россету, всё разнообразие мнений о «Переписке» делит «на три категории, имеющие в свою очередь различные подразделения». К первой группе Прокопович относит ту категорию читателей, которые воспринимали Гоголя как пророка («Одни считают тебя ни больше ни меньше как святым человеком»). Наиболее многочисленный класс читателей составляли те, кто считал основным мотивом расчет автора, т. е. денежное вознаграждение, корысть, подлость: «Другие приписывают издание твоих писем расчету. В этом классе встречается более всего подразделений, и догадки о целях, руководящих тобою, идут от простой денежной выгоды до таких соображений и планов, какие тебе, конечно, и в голову не могли прийти». Третья группа читателей, по словам Прокоповича, не воспринимала «Переписку», объясняя всё расстройством здоровья автора: «Третьи относят всё к расстройству твоего здоровья и оплакивают в тебе потерю гениального писателя»⁴⁵. Из ответного письма Прокоповичу видно, что читательское мнение, разговоры, слухи становятся для Гоголя

⁴³ А.О. Россет – Н.В. Гоголю 12 марта 1847 // Цит. по: Гиппиус В.В. Гоголь. С. 326.

⁴⁴ Н.В. Гоголь – А.О. Россету 15 апреля 1847 // Гоголь Н.В. Собр. соч. Т. 7. С. 335–336.

⁴⁵ Н.Я. Прокопович – Н.В. Гоголю 12 мая 1847 // Цит. по: Гиппиус В.В. Гоголь. С. 332.

источником познания людей, а не только собственного творчества: «... я очень жаден знать людей, а в толках о моей книге все-таки более или менее обрисовывается передо мною человек со всем своим знанием и невежеством...»⁴⁶.

Итак, коммуникационная сеть Гоголь/читатель дает представление о социальной дифференциации и культурно-духовном структурировании читательского пространства, а также о каналах взаимодействия писателя с этим пространством, мнения читателей – это стимул или «школа» собственного творчества и одновременно источник познания внутренних состояний читателя, конкретного человека, которому писатель может дать только внешнюю характеристику.

В целом литературный дендизм Гоголя отмечен такими чертами, как эксклюзивизм, психологизм, рефлексивность. Гоголь сознательно раскрывает логику собственного творчества, этапы своей «душевной истории» и литературной эволюции, тайны творческой мастерской. Литературный дендизм Гоголя включает и коммуникации с читателем, и личную харизму теща.

Итог: дендизм как философия жизни

Совершенно очевидно, что дендизм Гоголя предполагал не только умение модно одеваться, особую модель поведения, собственно литературный дендизм, но также включал определенную жизненную философию, романтический (трагический) сценарий жизни. Он прожил жизнь по дендистскому романтическому сценарию: мелкопоместный дворянин из Малороссии приезжает в Петербург, благодаря таланту, оказывается в среде литераторов-аристократов (Пушкин, Жуковский, Вяземский, Одоевский), входит в великосветское общество столицы, затем признание, слава, странствия по Европе, где пристанищем духа становится «вечный город» Рим, у него всегда была потребность быть в дороге, как эмблема перемен, метафора постоянного движения, внутреннего и внешнего, затем болезнь/лечение, меланхолия/тоска – веселость/ирония как полюсы характера и как следствие духовный кризис.

⁴⁶ Н.В. Гоголь – Н.Я. Прокоповичу 20 июня 1847 // Гоголь Н.В. Собр. соч. Т. 7. С. 341.

разочарование, душевный надлом, депрессия, расстройство психики (у Гоголя была репутация гениального человека. У которого «что-то тронулось в голове... вся Москва была о нём такого мнения»).

Дендизм — это культурное пространство Гоголя. Вне сомнения, многочисленные интеллектуальные коммуникации Гоголя раскрывают присущие ему дендистские черты как составляющую романтического сценария его собственной жизни. Дендизм Гоголя — самобытный культурно-психологический феномен, в котором органично слились его малороссийский природный юмор, веселость, ирония, артистизм, российский аристократизм, европейская образованность, культ моды, щегольство и современные ему стандарты бытовой культуры, стремление к комфорту, дендистский гедонизм, неудержимое стремление к странствиям, постоянной смене жизненных декораций. Все характеристики/маркеры дендизма — мода, литература, образ жизни, поведенческий код — реконструируются благодаря многочисленным свидетельствам современников Гоголя, знакомых, приятелей, родных, партнеров по обсуждению, коллег по литературному цеху. Словом, Гоголь прежде всего литературный денди-романтик, основными чертами которого являлись харизматичность, исключительность, ирония, художественный талант.